

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

М.Э. Дмитриев

*д.э.н., Президент Хозяйственного партнёрства
«Новый экономический рост» (Москва)*

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО ЭКСПОРТА¹

Аннотация. Статья подготовлена по материалам экспертного доклада, в работе над которым участвовали эксперты ООО «Центр экономики инфраструктуры» и Хозяйственного партнёрства «Новый экономический рост». В статье рассматриваются возможные сценарии развития российского экспорта в период до 2036 г. с учётом ожидаемого перераспределения международных торговых потоков. Три долгосрочных сценария перспектив российского экспорта, представленные в статье, служат стилизованной иллюстрацией меняющегося пространства возможностей и ограничений, которое открывается для российского экспорта в новых условиях. Впервые в нашей практике сценарного прогнозирования российского экспорта возникает возможность рассмотреть в качестве вероятного, наряду с двумя инерционными сценариями, сценария глубоких структурных изменений российского экспорта в пользу продукции обрабатывающей промышленности.

Ключевые слова: *декаплинг, глобальный энергопереход, экспорт обрабатывающей промышленности, реальный эффективный обменный курс.*

JEL: F16, F21, F43, F51, F63

УДК: 338.2, 338.27

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_68_92

© М.Э. Дмитриев, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Дмитриев М.Э.* Долгосрочные перспективы российского экспорта // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 68–92. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_68_92.

FOR CITATION: *Dmitriev M.E.* Long-term scenarios of Russian export // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 4. Pp. 68–92. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_68_92.

Введение

Данная статья основывается на материалах экспертного доклада, подготовленного к Конференции-форсайт «Из 2013–2023 г. в 2024–2030 г.», приуроченной к 10-летию юбилею ООО «Центр экономики инфраструктуры» (ЦЭИ). В работе над докладом участвовали эксперты ЦЭИ и Хозяйственного партнёрства «Новый экономический рост» (НЭР)². В статье рассматриваются возможные сценарии развития российского экспорта в период до 2036 г. с учётом ожидаемого перераспределения международных торговых потоков.

Поскольку деглобализация носит избирательный характер, она ведёт не столько к сворачиванию, сколько к реструктуризации торговых и финансовых потоков. Ослабление

¹ Статья опирается на материалы научно-исследовательских работ, выполненных по заказу ОАО «РЖД» ЦЭИ при участии НЭР.

² В работе над докладом участвовали М.Э. Дмитриев, А.Ю. Зимиха и Д.Н. Шульц.

прямых торговых и финансовых связей между двумя противостоящими геополитическими блоками будет сопровождаться активизацией внутриблоковой торговли и инвестиций и опережающим ростом торгового и инвестиционного сотрудничества каждого из блоков с внеблоковыми развивающимися странами.

Усилению роли внеблоковых стран глобального Юга способствует более резкое, чем ожидалось ещё в начале 2023 г., торможение экономики Китая, которое, скорее всего, приведёт и к долгосрочному торможению экономического роста этой страны. В результате, согласно нашим новым оценкам, можно ожидать заметного снижения вклада Китая в прирост мирового ВВП и торговли с существенным увеличением вклада внеблоковых развивающихся стран. В них, в отличие от блоковых стран, по-прежнему сохраняется огромный потенциал ускоренного экономического роста благодаря быстрой урбанизации и первичной индустриализации. Поэтому их вклад в прирост мирового ВВП на нашем прогнозном горизонте в полтора раза превысит вклад Китая.

Число внеблоковых стран может оказаться больше, чем первоначально ожидалось, поскольку внеблоковый статус будет приносить более значимые выгоды, чем безоговорочное присоединение к одному из блоков. В числе таких выгод — возможность развивать торговлю с обоими блоками, балансируя между ними и привлекая инвестиции от каждого из них, а также усиление договорных позиций в отношениях с блоковыми странами благодаря соперничеству между блоками.

Поскольку прямой трансфер инноваций между блоками будет ограничен, часть переноса инноваций между блоками пойдёт опосредованно и с неизбежными задержками через внеблоковые страны. Это негативно повлияет на темпы роста всей мировой экономики. Но в большей степени от этого пострадают страны китайского блока, где по-прежнему большую роль играет догоняющее развитие, основанное на технологических заимствованиях, а доля экономики на технологическом фронтире меньше, чем в странах противостоящего блока.

Чем глубже зайдёт процесс декаплинга, тем активнее производственные цепочки, трансграничные инвестиции, международная торговля и трансфер инноваций будут замыкаться на внеблоковые развивающиеся страны. Поэтому вполне вероятно, что именно глобальный Юг в целом выиграет от декаплинга, особенно, если он будет глубоким.

Для российского экспорта рынки внеблоковых стран при определённых условиях открывают беспрецедентные перспективы. В частности, это касается благоприятных условий входа новых экспортёров на растущие рынки обрабатывающей продукции развивающихся стран благодаря эффекту «голубого океана» и преобладанию на них конкуренции не по премиальности и технологическому уровню продукции, а по соотношению цена-качество, а также благодаря опережающему росту военных расходов развивающихся стран на фоне широкого распространения очагов напряжённости и локальных конфликтов. Выходить на гораздо более зрелый и насыщенный рынок Китая российским экспортёрам из сферы обрабатывающей промышленности будет несравненно сложнее.

Происходящие изменения потребуют своего рода «ребалансировки» пространства вероятных сценариев российского экспорта. Старые сценарии предстают в новом свете, а новые сценарии открывают ранее недоступные возможности. Три долгосрочных сценария российского экспорта, представленные в данной статье, служат стилизованной иллюстрацией меняющегося пространства возможностей и ограничений, которое открывается для российского экспорта в новых условиях. Впервые в нашей практике сценарного прогнозирования российского экспорта возникает возможность рассмотреть в качестве вероятного, наряду с двумя более привычными сценариями, сценария глубоких структурных изменений российского экспорта в пользу продукции обрабатывающей промышленности.

Долгосрочные тенденции мировой экономики и торговли

Особенности начавшейся деглобализации

Ослабление торгово-экономических связей между странами, входящими в формирующиеся противостоящие блоки — блок развитых стран и блок с участием Китая, — будет сопровождаться не только ростом торговли внутри блоков, но и ещё более быстрым ростом торговых и финансовых потоков обоих блоков в направлении обширной и динамичной группы внеблоковых развивающихся стран, роль которых в мировой экономике и торговле в предстоящий период начнёт стремительно возрастать.

Важнейшим экономическим событием 2023 г. стало неожиданно резкое торможение экономики Китая, к которому ещё в начале года было совершенно не готово большинство аналитиков. Это торможение — отнюдь не кратковременный эпизод. Оно подтолкнуло уже давно назревавший кризис на рынке жилой недвижимости, который к сентябрю 2023 г. перешёл в новую, беспрецедентно острую фазу. Поскольку на сектор недвижимости с сопутствующими видами деятельности приходится порядка 30% китайского ВВП, обвал этого рынка оставит длинный след в будущем экономическом развитии страны. Среди вероятных последствий — затяжная дефляция и глубокое долгосрочное замедление экономического роста даже по сравнению с той траекторией замедления, которая ожидалась несколько месяцев назад.

По прогнозам МВФ, в ближайшую пятилетку темпы роста ВВП Китая окажутся ниже 4%, а к концу 2020-х гг. они могут сократиться до 2–3% в год [IMF, 2023]. Это не позволит достичь декларируемой Си Цзиньпином цели — удвоения экономики Китая к 2035 г. по сравнению с 2020 г. Близкие цифры содержатся и в большинстве других прогнозов, что позволяет говорить о формировании консенсусного мнения. Но при наиболее неблагоприятном развитии событий на рынке недвижимости нельзя исключить и экономического спада в среднесрочной перспективе.

До недавнего времени гигантские эффекты масштаба китайского рынка делали его неизмеримо более привлекательным промышленным хабом для инвесторов, чем любые другие рынки глобального Юга. Но декаплинг и резкое ухудшение перспектив экономического роста в Китае ведут к беспрецедентному усилению роли развивающихся рынков глобального Юга: Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. Большинство этих стран не будет участвовать ни в одном из противостоящих блоков.

По нашим оценкам, в период до 2036 г. на эти рынки придёт порядка 35% прироста мирового ВВП — немногим меньше, чем вклад развитых стран, но в полтора раза больше, чем вклад Китая (рис. 1). Также на них придёт основная часть прироста мировой торговли и практически весь прирост населения, в том числе экономически активного. Только в этих странах мира остаются предпосылки для продолжения ускоренной индустриализации и урбанизации. Устойчиво высокие темпы экономического роста в обозримой перспективе возможны почти исключительно в этой группе стран.

На полюсах противостоящих блоков будут сосредоточены страны с потенциально низким или замедляющимся, как в Китае, экономическим ростом, а также снижающейся или стагнирующей численностью трудоспособного населения (исключение в блоке развитых стран составляет лишь США). При этом их экономический рост в большей мере, чем рост внеблоковых стран, пострадает от последствий глубокого декаплинга.

Внеблоковые развивающиеся страны в меньшей степени проигрывают от декаплинга, чем противостоящие блоки. Чем глубже зайдет процесс декаплинга, тем активнее производственные цепочки, трансграничные инвестиции и международная торговля будут замыкаться на внеблоковые развивающиеся страны. В ходе межблокового декаплинга страны, принадлежащие к противостоящим блокам, будут предъявлять растущий спрос на

промышленную продукцию и первичные ресурсы из внеблоковых стран, что даст последним дополнительный импульс экономического роста. Также на внеблоковые страны станут все больше замыкаться производственные цепочки из развитых стран, что усилит приток инвестиций из обоих блоков.

Прямой трансфер инноваций между блоками тоже будет ограничен, а часть его опосредованно пойдет через внеблоковые страны. Чем глубже зайдет процесс декаплинга, тем активнее производственные цепочки, трансграничные инвестиции, международная торговля и распространение инноваций будут замыкаться на внеблоковые развивающиеся страны. Поэтому вполне вероятно, что именно глобальный Юг в целом выиграет от декаплинга, особенно, если он будет глубоким.

Но окно возможностей для ускоренного экономического роста глобального Юга не безгранично. Наиболее благоприятные перспективы для большинства стран Южной Азии и Африки открываются в ближайшие два десятилетия, пока в них сохраняется потенциал роста экономически активного населения, ускоренной урбанизации и индустриализации. За пределами этого горизонта рост экономически активного населения замедлится. Это произойдет даже в странах Африки, где уже сейчас наметилось быстрое снижение рождаемости. Возможности быстрой урбанизации и индустриализации тоже начнут сужаться, а во многих странах они будут близки к исчерпанию. Менее благоприятными станут и условия выхода экспортёров на рынки готовой продукции внеблоковых стран: динамизм этих рынков будет слабеть, а конкуренция на них усилится.

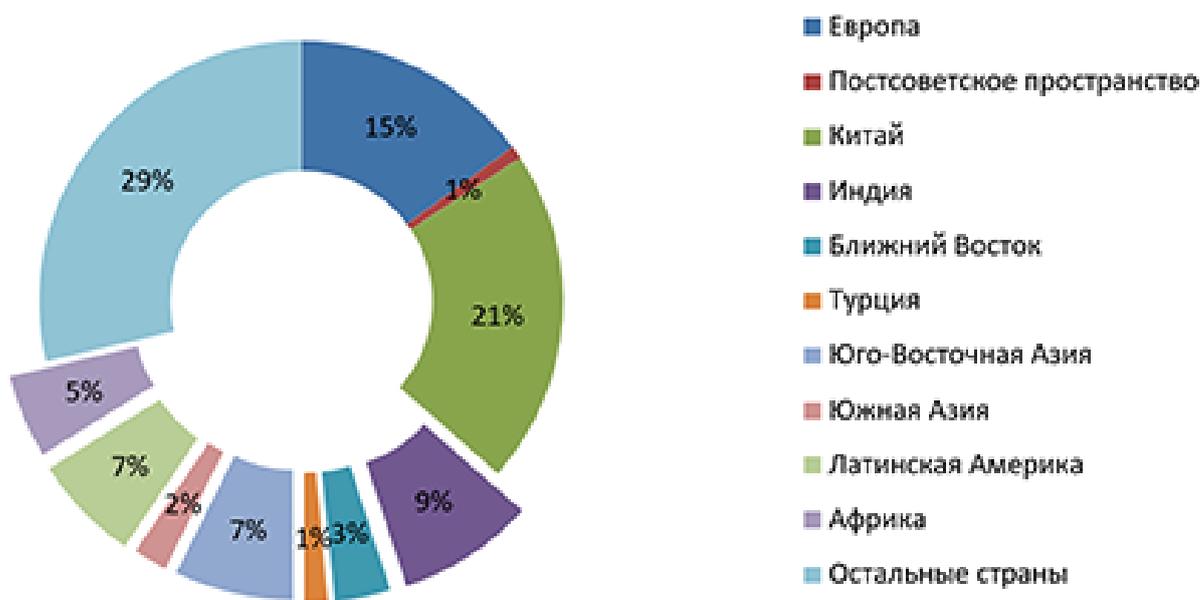

Рис. 1. Прогнозные доли основных макрорегионов в приросте мирового ВВП, накопленном за период до 2036 г. Источник: расчёты ЦЭИ и ХП НЭР.

Мы рассматриваем два возможных сценария реконфигурации мировых торгово-экономических связей, определяющей характеристикой которых служит глубина межблокового декаплинга.

Сценарии декаплинга

Сценарий *мягкого декаплинга* предполагает избирательное ослабление экономических связей между двумя блоками, которое затронет прежде всего высокие технологии, продукцию военного и двойного назначения, информационный и телекоммуникационный сектор и поставки критического сырья и компонентов. Такое развитие событий будет возможно в случае, если в конфликте между Китаем и США не начнётся военного обострения.

В данном сценарии США и Китай учатся сосуществовать, принимая во внимание нежелательность материализации многочисленных рисков, связанных с острым противостоянием. Глубокое разграничение международных производственных цепочек, замкнутых на противостоящие блоки, будет происходить весьма избирательно. Для мировой экономики базовый сценарий окажется менее болезненным, поскольку свёртывание экономических связей между крупнейшими экономиками мира будет происходить в замедленном, «щадящем» режиме. На практике пока реализуется именно этот вариант декаплинга.

Многие сложившиеся производственные цепочки очень сложны, что способствует их поверхностной и довольно формальной трансформации и сильно сдерживает реальный декаплинг. Перенос производственных цепочек из Китая пока выглядит скорее имитационным. В качестве примера простейшей формы имитации можно привести простой релэй-блинг китайской продукции во Вьетнаме и других странах, зачастую на предприятиях, контролируемых китайским капиталом, после чего товары экспортируются из этих стран на развитые рынки. Более сложный вариант — реальный перенос из Китая финальных стадий производства готовой продукции, который, однако, ведёт к росту импорта китайских промежуточных товаров. Например, так происходит развитие сборочных производств в Мексике с высокой долей китайских комплектующих.

Сценарий *глубокого декаплинга* предполагает эскалацию геополитического и военного противостояния США и Китая вокруг Тайваня с ужесточением взаимных санкций. В этом случае можно ожидать более радикального обособления трансграничных производственно-логистических цепочек по блоковому принципу. Критически важные и стратегические звенья производственных цепочек будут втягиваться внутрь каждого из блоков (*friendshoring*) и/или переноситься во внеблоковые страны, роль которых возрастёт. При этом даже внутри внеблоковых стран может происходить глубокое разграничение цепочек, в рамках которого станут возникать дублирующие вертикали поставок и поставщики, ориентированные только на один из противостоящих блоков. В свою очередь, это позволит внеблоковым странам привлекать большие объёмы инвестиций от каждого из блоков.

Формирование геополитических блоков уже привело к изменению географии прямых инвестиций. МВФ отмечает снижение доли Китая в прямых инвестициях практически во всех рассмотренных макрорегионах. При этом произошло и резкое снижение доли иностранных инвестиций в экономику Китая. Единственный регион, доля инвестиций из которого на китайском рынке возросла, — развивающиеся страны Европы (отчасти за счёт инвестиций из России). В этих условиях Китаю придётся опираться прежде всего на внутренние прямые инвестиции, что уже в среднесрочной перспективе может стать дополнительным сдерживающим фактором экономического развития — не столько из-за нехватки внутренних сбережений (они по-прежнему очень высоки), сколько из-за сужения доступа к передовым технологиям, который ранее обеспечивали прямые инвестиции из развитых стран. Также это может означать и сужение возможностей Китая осуществлять масштабные внешние инвестиции из-за ухудшения платёжного баланса, вызванного одновременным сокращением торгового профицита и притока иностранных инвестиций.

В силу взаимных межблоковых санкций и усиления контроля за экспортом передовых технологий перенос инноваций напрямую между блоками ограничится и замедлится. Но в распространении инноваций возрастёт роль внеблоковых стран. Через них частично пойдёт диффузия инноваций между блоками. Неизбежное замедление распространения инноваций негативно повлияет на темпы роста всей мировой экономики. Но в большей степени от этого пострадают страны китайского блока, где по-прежнему большую роль играет фактор догоняющего развития, основанного на технологических заимствованиях, а доля экономики на технологическом фронтире меньше, чем в блоке развитых стран.

Экономическая цена, которую придётся заплатить мировой экономике за глубокий декаплинг, будет очень высокой. Он приведёт к росту издержек, снижению эффектов

масштаба, уменьшению отдачи от инвестиций, замедлению распространения инноваций и снижению отдачи от них, ограничению конкуренции и ухудшению качества продукции. Будут формироваться избыточные запасы сырья, материалов, энергоресурсов и продовольствия, рассчитанные на обострение межблоковых конфликтов. Противостоящие стороны начнут предпринимать масштабные действия, не оптимальные с чисто экономической точки зрения. В итоге это приведёт к падению эффективности мировой экономики, замедлению долгосрочных темпов экономического роста и инфляции издержек.

Но баланс издержек и выгод от декаплинга будет распределяться неравномерно. Основное бремя издержек ляжет на противостоящие блоки, в то время как внеблоковые страны в целом получают от декаплинга значительные преимущества.

По оценке МВФ [IMF, 2023], жёсткое разграничение двух блоков в долгосрочной перспективе приведёт к снижению накопленного роста мирового ВВП на 2 процентных пункта (п.п.) относительно сценария отсутствия фрагментации. Наибольшее замедление произойдёт за счет потенциально попадающих в китайский блок стран Юго-Восточной Азии (снижение накопленного прироста ВВП на 6–7 п.п.), входящих в китайский блок стран остального мира, куда включена и Россия (снижение накопленного прироста ВВП на 4–5 п.п.), и в меньшей степени самого Китая (снижение накопленного прироста ВВП на 2–2,5 п.п.). Согласно МВФ, в выигрыше в сценарии распада на два геополитических блока окажутся только внеблоковые страны, такие как Индия и Индонезия, которые при определённых условиях смогут аккумулировать даже больше инвестиционных ресурсов, чем в сценарии отсутствия фрагментации.

Впрочем, этот сценарий МВФ может оказаться преувеличенным в плане количества развивающихся стран, вовлечённых в противостоящие блоки. Большинство развивающихся стран получают дополнительные преимущества от сохранения геополитического нейтралитета. Их экономические интересы будут подталкивать их к сотрудничеству с обоими блоками, поскольку это позволяет рассчитывать на доступ к инвестициям, экспортным рынкам и технологиям из обоих блоков, вес которых в мировой экономике различается не слишком сильно. Также они смогут использовать противоречия и конкуренцию между блоками в своих интересах, добиваясь более выгодных для себя условий экономического взаимодействия.

США будут стремиться с помощью внеблоковых развивающихся стран замещать продукцию обрабатывающей промышленности Китая. Тем более что Китай всё больше утрачивает преимущество дешёвой рабочей силы, которое в прошлом позволяло ему играть роль «сборочного цеха» для развитых стран и привлекать иностранные инвестиции в трудоинтенсивные промышленные производства.

Для Китая сотрудничество с внеблоковыми странами представляет интерес с точки зрения переноса туда производств, которые неэффективно сохранять внутри страны, а также экспортных производств, ориентированных на страны противостоящего блока. Также внеблоковые страны будут интересны Китаю с точки зрения опосредованного доступа к передовым технологиям и инновациям из развитых стран, прямой доступ к которым в Китай окажется тем сложнее, чем более острым будет военно-политическое противостояние Китая и США.

В этом сценарии, ещё больше, чем в сценарии мягкого декаплинга, растёт вероятность существенного торможения глобального энергоперехода, в том числе в связи с тем, что ещё более затруднится глобальная координация, необходимая для внедрения мер принуждения к энергопереходу, таких как, например, трансграничные углеродные платежи и новые топливные стандарты на авиационном транспорте. Однако и возможность ускорения энергоперехода полностью не исключается. Оно может произойти, например, под давлением более быстрого, чем ожидалось, нарастания интенсивности катастрофических событий, связанных с изменением климата. Это сохраняет даже при глубоком декаплинге дополнительную раз-

вилку для перспектив российского экспорта — поддержание повышенного спроса на российские энергоносители в случае торможения энергоперехода и, наоборот, резкое падение спроса на них, особенно в случае сочетания активного энергоперехода с негативными для глобального экономического роста последствиями глубокого декарпинга.

Независимо от глубины декарпинга наиболее перспективным, наряду с Китаем, направлением увеличения российского экспорта как традиционного, так и несырьевого служат внеблоковые страны. С географической точки зрения подавляющее большинство этих стран не имеет сухопутной границы с Россией. Это предполагает рост логистических издержек, ограничивающий конкурентоспособность грузоёмких товаров с высокой долей транспортно-логистических издержек в себестоимости. Но для большинства товаров обрабатывающей промышленности увеличение транспортно-логистических издержек не является критическим фактором. Также транспортно-логистические издержки слабо влияют на экспорт зерна, удобрений и цветных металлов.

Структурные сдвиги в мировой торговле

Ни одна из внеблоковых развивающихся стран, ни даже целые географические регионы, к которым они принадлежат, не смогут превратиться в универсального производителя промышленных товаров, чтобы повторить ход индустриального развития Китая, который сумел стать «фабрикой мира». Глобальный Юг слишком фрагментирован, чтобы образовать единый внутренний рынок, сопоставимый с китайским. Промышленное развитие в отдельных странах и даже регионах будет, хотя и быстрым, но более узко сфокусированным, а промышленный экспорт — гораздо менее диверсифицированным, чем в Китае. Даже Индия, несмотря на сопоставимую с Китаем численность населения, не сможет в обозримой перспективе приблизиться к Китаю по степени диверсификации промышленного производства и экспорта.

Поэтому в ходе своего развития внеблоковые страны станут предъявлять растущий спрос на широкий спектр импортных товаров и торгуемых услуг, которые они не будут производить для внутреннего потребления и на экспорт в достаточных объёмах. В результате опережающими темпами начнёт расти как импорт в эти страны из противостоящих блоков, так и их торговля между собой. По нашим оценкам, на долю внеблоковых развивающихся стран придёт до 75% накопленного к 2036 г. прироста мирового импорта (рис. 2).

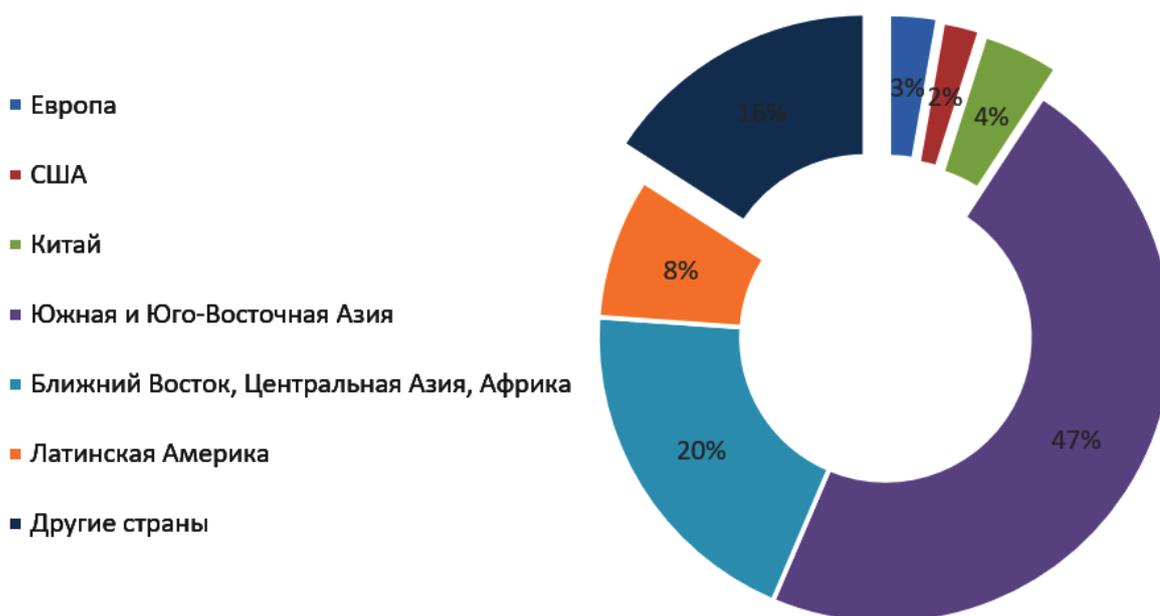

Рис. 2. Прогнозная структура накопленного прироста импорта в мировой экономике за период до 2036 г.

Источник: расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

С учётом быстрого роста внутреннего рынка внеблоковых стран и их растущей потребности в импорте, возникает эффект «голубого океана», когда для экспортёров открываются обширные, ранее никем не занятые рынки, на которых все поставщики товаров и услуг оказываются в более или менее равном положении для входа. Несырьевые экспортёры из России, которые до сих пор были слабо представлены на этих рынках, получают дополнительные преимущества, поскольку их возможности входа на открывающиеся рынки глобального Юга во многом уравниваются с прежними поставщиками. Выходить на гораздо более зрелый и насыщенный рынок Китая российским экспортёрам продукции обрабатывающей промышленности будет несравненно сложнее. Особенно большое значение открывающиеся преимущества входа на рынки глобального Юга будут иметь для третьего из рассматриваемых нами долгосрочных сценариев российского экспорта — сценария экспортной диверсификации.

Учитывая сравнительно невысокий стартовый уровень технологического развития и ограниченную покупательную способность населения большинства внеблоковых развивающихся стран, основной спрос на их рынках будет возникать не в премиальном сегменте и не вблизи технологического фронта, а на продукцию среднего технологического уровня и среднего качества. Значительная часть несырьевой продукции, производимой в России, будет относиться именно к этому сегменту, что даёт России дополнительные преимущества. Конкуренция в этом сегменте будет идти преимущественно по соотношению цена-качество. В рассматриваемом нами сценарии экспортной диверсификации поддержание Россией ценовой конкурентоспособности широкого спектра экспортируемой продукции обрабатывающей промышленности представляется вполне достижимым благодаря снижению реального эффективного курса рубля. Также внеблоковые развивающиеся страны будут импортировать растущие объёмы продовольствия, удобрений, энергоносителей и других первичных ресурсов, на экспорте которых специализируется Россия.

Ещё одним частным проявлением формирования обширной зоны внеблоковых государств станет их растущий спрос на обеспечение безопасности. Внутри геополитических блоков расходы на вооружения и торговля оружием будут расти, прежде всего, в силу обострившегося противостояния между блоками. Но рост военных расходов и импорт вооружений может ещё более ускориться во внеблоковых странах, хотя и по несколько другим причинам. В многополярном геополитическом пространстве будет расти число локальных очагов международной напряжённости и зон вооружённых конфликтов, в которые станут втягиваться многие внеблоковые государства, но в которые далеко не всегда захотят напрямую вмешиваться противостоящие блоки. Отстаивать свои интересы в таких конфликтах внеблоковые страны вынуждены будут самостоятельно, полагаясь на собственные силы, что подтолкнёт их к увеличению военных расходов. Большинство из внеблоковых стран не являются значимыми производителями вооружений и будут нуждаться в их импорте. Основными поставщиками вооружений останутся страны, принадлежащие к противостоящим блокам. Быстрые темпы экономического роста будут давать внеблоковым странам дополнительные ресурсы для импорта вооружений. Ожидается, что военные расходы преимущественно внеблоковых развивающихся стран с 2022–2036 гг. могут вырасти в 1,5 раза — с 426,3 до 636 млрд долл. (рис. 3), причём эти оценки, с учётом отмеченных выше особенностей предстоящего периода, можно рассматривать как заниженные.

В то же время окно возможностей для ускоренного экономического роста глобального Юга также не безгранично. Наиболее благоприятные возможности для большинства стран Южной Азии и Африки открываются в ближайшие два десятилетия, пока в них сохраняется потенциал роста экономически активного населения, ускоренной урбанизации и индустриализации. За пределами этого горизонта рост экономически активного населения замедлится или прекратится. Это произойдет даже в странах Африки, где уже сейчас наметилось быстрое снижение рождаемости. Возможности быстрой урбанизации и индустриализации тоже начнут сужаться, и во многих странах они окажутся близкими

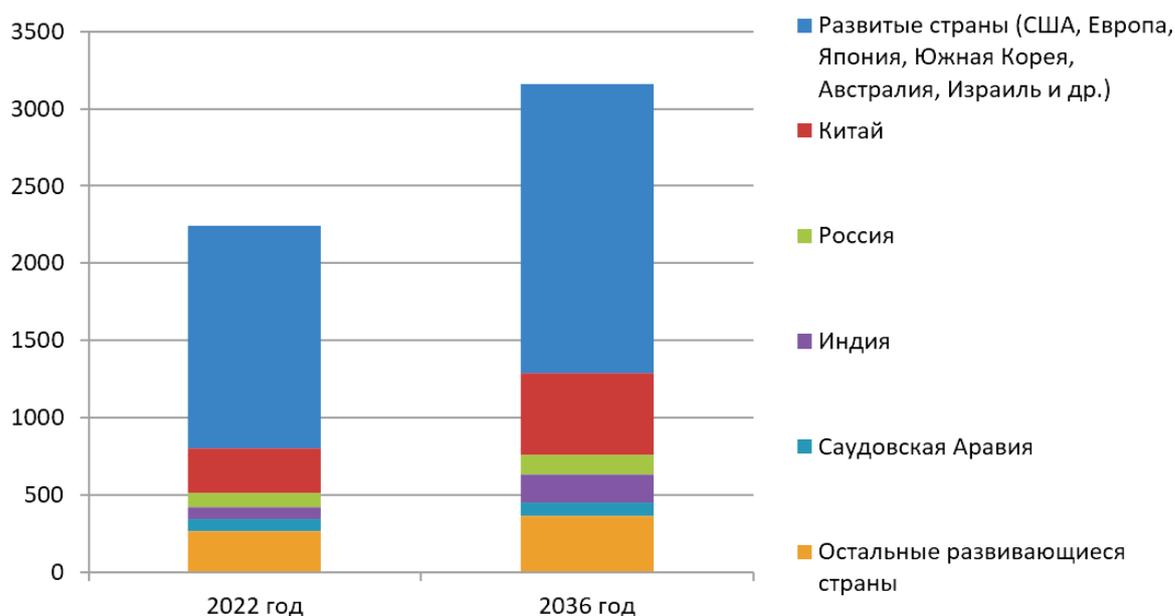

Рис. 3. Прогноз военных расходов по макрорегионам (расчёты ХП НЭР и ЦЭИ; использованы данные Стокгольмского института изучения мира, института LOWY)

Источник: LOWY Institute, 2023. Military Expenditure Forecast 2030. <https://power.lowyinstitute.org/data/future-resources/defence-resources-2030/military-expenditure-forecast-2030/>

к исчерпанию (подробнее см.: [MGI, 2023]). Первоначальный импульс от частичного переключения межблоковых торговых потоков и инвестиций на страны глобального Юга также со временем себя исчерпает. Менее благоприятными станут и условия выхода на рынки готовой продукции внеблоковых стран: их динамизм будет слабеть, а конкуренция на них усилится. Поэтому благоприятные перспективы для ускоренного экономического роста стран глобального Юга пока просматриваются лишь на горизонте ближайших полутора-двух десятилетий.

Таким образом, именно в ближайшие полтора-два десятилетия ожидается наиболее благоприятная конъюнктура для входа российских экспортёров продукции обрабатывающих производств и торгуемых услуг на рынки внеблоковых развивающихся стран. Но если российские экспортёры в этот период не смогут воспользоваться ею, то наиболее подходящий момент для входа будет упущен. Вновь возникшие рыночные ниши будут заняты экспортёрами из других стран, рост рынков замедлится, и последующий выход на эти рынки начнёт происходить в условиях более жесткой конкуренции и дополнительных барьеров входа.

По этой причине в наших сценарных развилках развития экспорта появляется ещё один оценочный параметр: своевременность выхода российских экспортёров продукции обрабатывающей промышленности на растущие рынки внеблоковых развивающихся стран. От этого может сильно зависеть успешность несырьевой диверсификации российского экспорта.

Пока что структурная адаптация российского экспорта к условиям обостряющихся конфликтов выразилась прежде всего в том, что физические объёмы экспорта нефти и угля в значительной степени удалось перенаправить с развитых европейских рынков на рынки развивающихся стран (прежде всего Китая, Индии и Турции), но со значительным ущербом для рентабельности поставок под воздействием дисконтного ценообразования, потолка цен на экспорт нефти и нефтепродуктов и удорожания логистики. В случае с газом даже переключение физических объёмов экспорта затрудняется ввиду отсутствия необходимой инфраструктуры в восточном направлении (нехватка трубопроводной сети, терминалов для СПГ). При этом страны Евросоюза по-прежнему остаются крупнейшими импортёрами российского газа.

Ускорившееся торможение экономики Китая означает, что первоначальные оценки возможности относительно плавного замещения Европы Китаем в качестве нового ключевого потребителя российских энергоресурсов в рамках совместного геополитического блока оказались не вполне реалистичными. Китай, по крайней мере на текущий момент, не демонстрирует преференциального подхода к импорту российских товаров. Например, в 2023 г., после смены правительства Австралии, в Китае был снят неформальный запрет на импорт австралийского угля, и уже в апреле его поставки превысили российские [Reuters, 2023]. Наряду с диверсификацией импортных поставок энергоресурсов из разных стран мира (включая такие страны, как Австралия, явно относящиеся к противостоящему геополитическому блоку), Китай может быть заинтересован в укреплении своей монополии по отношению к поставкам из России, что может ослаблять её переговорные позиции. Остаётся не до конца ясной и позиция Китая относительно готовности к масштабным инвестициям в развитие инфраструктуры, которая бы позволила наращивать поставки нефти и газа из России.

Но отмеченные проблемы не отменяют целесообразности и перспективности наращивания российского экспорта в Китай. Более того, у российского экспорта на китайском направлении открываются и новые возможности. В качестве примера можно привести потенциальную роль российского экспорта в обеспечении продовольственной безопасности Китая. В настоящее время в Китае энергично реализуется политика импортозамещения в сельском хозяйстве, направленная на снижение уровня импортной зависимости по базовым зерновым и бобовым культурам, которая была близка к 25% от общих объёмов их потребления. Стратегической проблемой Китая является зависимость от импорта из США: Китай — крупнейший в мире потребитель сельскохозяйственной продукции из США. В свою очередь, США — второй после Бразилии производитель сои. На Бразилию и США приходится более $\frac{2}{3}$ мирового производства сои, а Китай является крупнейшим в мире её импортёром, закупая 60% мирового экспорта сои. [Tortajada, Zhang, 2023]. Более безопасной альтернативой американскому и бразильскому импорту могут служить поставки сои из дальневосточных регионов России, которые не предполагают морских перевозок, как в случае Бразилии. Дальневосточные регионы России имеют благоприятные агроклиматические условия для выращивания сои. Перспектива развития её производства на Дальнем Востоке, в том числе при участии китайских инвесторов, с доведением объёмов экспорта сои и зерновых из России в Китай до 60 млн т в долгосрочном плане представляется реализуемой.

Долгосрочные сценарии российского экспорта

Для количественного анализа и прогнозирования тенденций внешнеэкономической деятельности в научной литературе используется разнообразный набор инструментов. Одним из классических подходов являются гравитационные модели, которые оценивают потенциал торговли между странами и регионами с учётом размеров их экономик и географической удалённости друг от друга [Ускова, Асанович, Дедков, Селименков, 2010; Ткалич, 2017]. В последнее время всё шире используются вычислительные модели общего равновесия — CGE-модели [Tarr, 2016; Spartak, 2021]. Для прогнозирования в ситуации, когда не предвидится кардинальных изменений условий внешней торговли по сравнению с ретроспективными рядами данных, могут быть применены модели авторегрессии и многофакторные регрессионные уравнения [Го, 2019; Зайчикова, Федоренко, 2017]. Для оценки потенциала диверсификации товарной структуры экспорта в последние годы активно применяется метод Хаусманна-Клингера, который позволяет оценить вероятность перехода странового экспорта от существующих товарных групп к другим, сходным с ними по условиям производства и сбыта [Hausmann, Klinger, 2006; Hausmann, Klinger, 2007; Волчкова, Кузнецова, Турдыев, 2016]. Также этот подход позволяет оценивать потенциал изменения

структуры экспорта в пользу продукции более высокого технологического уровня и сложности [Hausmann, Hwang, Rodrik, 2007; Ferrantino, Portugal-Perez, Schmidt, 2015].

Наш сценарный подход к долгосрочному анализу тенденций экспорта существенно отличается от перечисленных количественных инструментов как по целям исследования, так и по ожидаемым результатам. Главной целью нашего долгосрочного анализа служит изучение возможных долгосрочных последствий для российского экспорта значимых внеэкономических событий глобального и регионального уровня, которые способны кардинально изменить условия внешней торговли, её географию, динамику и структуру. Речь прежде всего идёт о процессе декаплинга, который является относительно новым для мировой экономики явлением, способным оказать сильное долгосрочное влияние на структуру и географию мировой торговли, а также о процессе глобального энергоперехода, который пока находится в относительно ранней стадии, но будет иметь колоссальные последствия для мировых рынков энергоносителей, минерального сырья и многих трансграничных производственных цепочек.

Прогнозировать долгосрочный ход декаплинга и глобального энергоперехода с помощью формальных количественных инструментов представляется весьма затруднительным, поскольку их развитие определяется прежде всего будущим потоком непредсказуемых политических решений. Поэтому мы используем теоретически допустимые варианты развития декаплинга и глобального энергоперехода в качестве экзогенных триггеров для формулирования альтернативных сценариев российского экспорта. Для каждого из таких сценариев мы оцениваем потенциальный объём спроса на различные товары российского экспорта, исходя из нашего детального анализа потенциальной ёмкости целевых рынков, который включает прогнозные глобальные балансы основных товаров российского энергосырьевого экспорта. Кроме того, учитываются и продиктованные логикой каждого сценария предположительные политические решения ключевых торговых партнёров, создающие новые возможности для российского экспорта либо, напротив, ограничивающие его. Применение этих подходов базируется на нашем многолетнем практическом опыте долгосрочного сценарного прогнозирования объёмов экспортных грузов в рамках научно-исследовательских проектов по заказам ОАО «РЖД».

В силу особенностей нашей сценарной методологии, которая сочетает в себе элементы качественного и количественного анализа с разнообразными экспертными дооценками и предположениями, результаты нашей работы в строгом смысле нельзя рассматривать как количественные прогнозы. На деле они представляют собой стилизованные сценарии, которые скорее иллюстрируют вероятную внутреннюю логику развития событий в случае реализации ключевых сценарных развилок в области декаплинга и энергоперехода, чем предсказывают количественные последствия для экспорта.

В совокупности рассматриваемые сценарии, хотя и весьма условно, обозначают границы наиболее вероятного поля возможностей развития российского экспорта в зависимости от глубины декаплинга и энергоперехода. Количественные параметры сценариев откалиброваны с учётом сделанных нами долгосрочных сценарных прогнозов мировой экономики, глобальных прогнозных балансов для основных товарных групп российского экспорта и предполагаемых изменений спроса на российские товары на ключевых региональных рынках в зависимости от хода декаплинга энергоперехода и возможных решений стран-импортёров.

Мы рассматриваем три сценария развития российского экспорта, которые в сложившихся условиях представляются несколько более вероятными, чем другие возможные сценарии. Только один из трёх наших сценариев (условно «инерционный») реализуется в условиях мягкого декаплинга, а два других (условно «оптимистический» и сценарий «экспортной диверсификации») — в условиях глубокого декаплинга. Это отнюдь не означает, что иные сценарии в условиях мягкого декаплинга в принципе отсутствуют. Но избранный подход, по-нашему мнению, наилучшим образом подходит для обозначения потенциального пространства возможностей развития экспорта.

Инерционный сценарий

Данный сценарий мы называем инерционным весьма условно — прежде всего потому, что таковой в нём выглядит динамика российского экспорта. Его реализация предполагает, что процессы мягкого декаплинга будут сопровождаться существенным и достаточно протяжённым замедлением глобального энергоперехода. Это будет поддерживать спрос на российские энергоресурсы.

Но структура экспорта в данном сценарии всё же претерпевает изменения (рис. 4). В частности, остаётся вероятным некоторое снижение физических объёмов российского экспорта энергоресурсов. Экспорт угля будет снижаться в связи с ожидаемой негативной рыночной динамикой в главных странах-импортёрах (Китай, Индия, Южная Корея). В случае с нефтью долгосрочное негативное влияние будет оказывать сочетание факторов, связанных с ограничениями доступа к технологиям её добычи и транспортировки, а также постепенный выход на плато мирового потребления. По газу ограничивающим фактором станет дефицит инфраструктуры, необходимой для перенаправления поставок с европейского на азиатское направление.

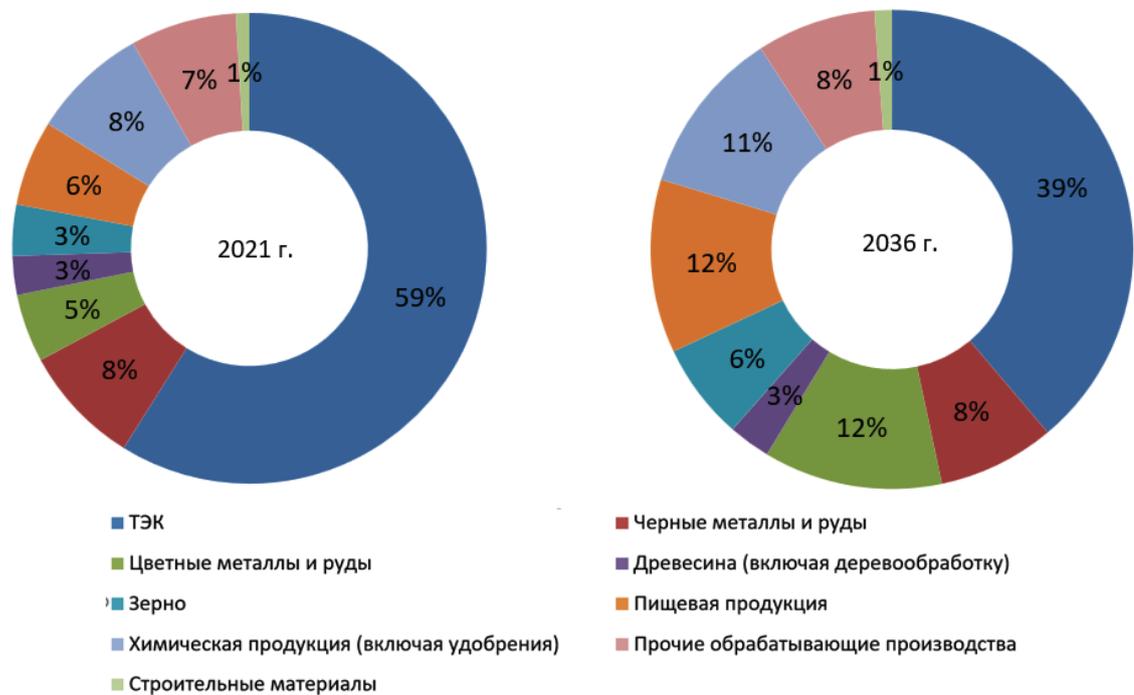

Рис. 4. Структура российского экспорта в инерционном сценарии по укрупнённым товарным группам в 2021 и 2036 гг. *Источник:* расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

Для российской экономики инерционный сценарий не является особенно благоприятным, поскольку стагнирующий или медленно растущий экспорт не внесёт значительного дополнительного вклада в экономический рост. Также в этом сценарии не ожидается существенной диверсификации российского экспорта в сторону обрабатывающих производств, хотя по некоторым группам товаров обрабатывающей промышленности рост вполне возможен. На фоне уменьшения доли продукции ТЭК в структуре экспорта в инерционном сценарии будет происходить увеличение доли продукции АПК (зерно, переработанная продукция) и продукции отраслей промышленности, ориентированных на имеющуюся сырьевую базу (цветные металлы, удобрения). Более быстрое наращивание экспорта продукции обрабатывающей промышленности, как, впрочем, и импортозамещение, будет сдерживаться относительно высоким реальным эффективным курсом рубля, характерным для стран — экспортёров сырья, что станет ограничивать ценовую конкурентоспособность в большинстве сегментов обрабатывающей промышленности (рис. 4, 5).

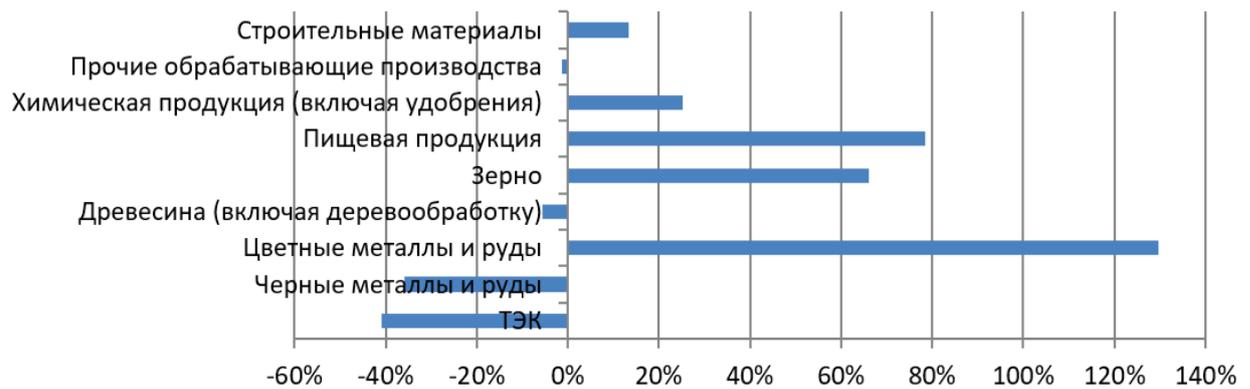

Рис. 5. Стоимостная динамика экспорта в инерционном сценарии по укрупнённым товарным группам в 2021–2036 гг.
Источник: расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

Оптимистический сценарий

В качестве оптимистического мы рассматриваем сценарий замедленного глобального энергоперехода в условиях глубокого декаплинга. Определение «оптимистический» применительно к данному сценарию достаточно условно. Оно означает лишь, что на рассматриваемом горизонте сохраняются благоприятные условия для энергосырьевого экспорта, который в таком случае сможет вносить положительный вклад в рост ВВП. Но отсутствие в этом сценарии предпосылок для несырьевой диверсификации экспорта означает, что начало структурной перестройки экономики и экспорта в направлении обрабатывающих производств попросту откладывается за пределы рассматриваемого прогнозного горизонта. По этой причине оптимистический сценарий, как, впрочем, и сценарий инерционный, можно рассматривать как сценарии упущенных возможностей опережающей несырьевой диверсификации экспорта. Эти возможности открываются уже в текущем десятилетии благодаря опережающему росту несырьевого импорта внеблоковых стран и облегчённых условий для входа российских несырьевых экспортёров на эти рынки, но через полтора-два десятилетия окно возможностей может закрыться.

Поскольку глобальный энергопереход в обоих рассмотренных сценариях не отменяется, а лишь откладывается на более поздний срок, то его потенциальные последствия для российской экономики, в том числе и негативные, тоже переносятся за горизонт рассматриваемого сценария. Тогда возможности входа российских несырьевых экспортёров на рынки развивающихся стран будут уже не такими благоприятными, как в ближайшие полтора десятилетия. Однако в пределах нашего сценарного горизонта влияние экспорта на экономический рост в оптимистическом сценарии в целом остаётся позитивным.

Основные предпосылки, лежащие в основе данного сценария, заключаются в том, что обострение военно-политического противостояния Китая и США вокруг Тайваня вынудит Китай в кратчайшие сроки минимизировать ресурсную зависимость не только от поставок ресурсов из блока развитых стран (в первую очередь из Австралии и США), но и от морских поставок из внеблоковых стран, в том числе из Латинской Америки и с Ближнего Востока. Россия в такой ситуации выступает наиболее безопасным и надёжным поставщиком, способным обеспечить доставку сухопутными маршрутами. Поэтому она сможет заполнить значительную часть необеспеченного энергосырьевого спроса на китайском рынке. Также в оптимистическом сценарии рассматривается возможность наращивания экспорта продукции АПК, прежде всего за счёт освоения гигантского по масштабам китайского продовольственного рынка, который тоже будет переключаться на более надёжных поставщиков. Также в данном сценарии не предполагается быстрой деэскалации конфликта вокруг Тайваня, что сохраняет за Россией открывшиеся рынки на длительный срок.

Кроме того, у России в этом сценарии сохраняются значительные возможности для экспорта ресурсов во внеблоковые страны. Отложенный энергопереход означает, что спрос на углеводородные энергоресурсы с их стороны сохранится надолго.

В оптимистическом сценарии можно ожидать первоначального восстановительного роста российского энергосырьевого экспорта и его последующей стабилизации на сравнительно высоком уровне до конца прогнозного периода. При этом сохраняется высокий риск ускоренного сокращения энергосырьевого экспорта за пределами прогнозного горизонта по мере активизации отложенного энергоперехода. Растущая энергосырьевая рента позволит повысить рост ВВП по сравнению с инерционным сценарием, но без существенных структурных изменений в экспорте (рис. 6, 7) и в экономике в целом.

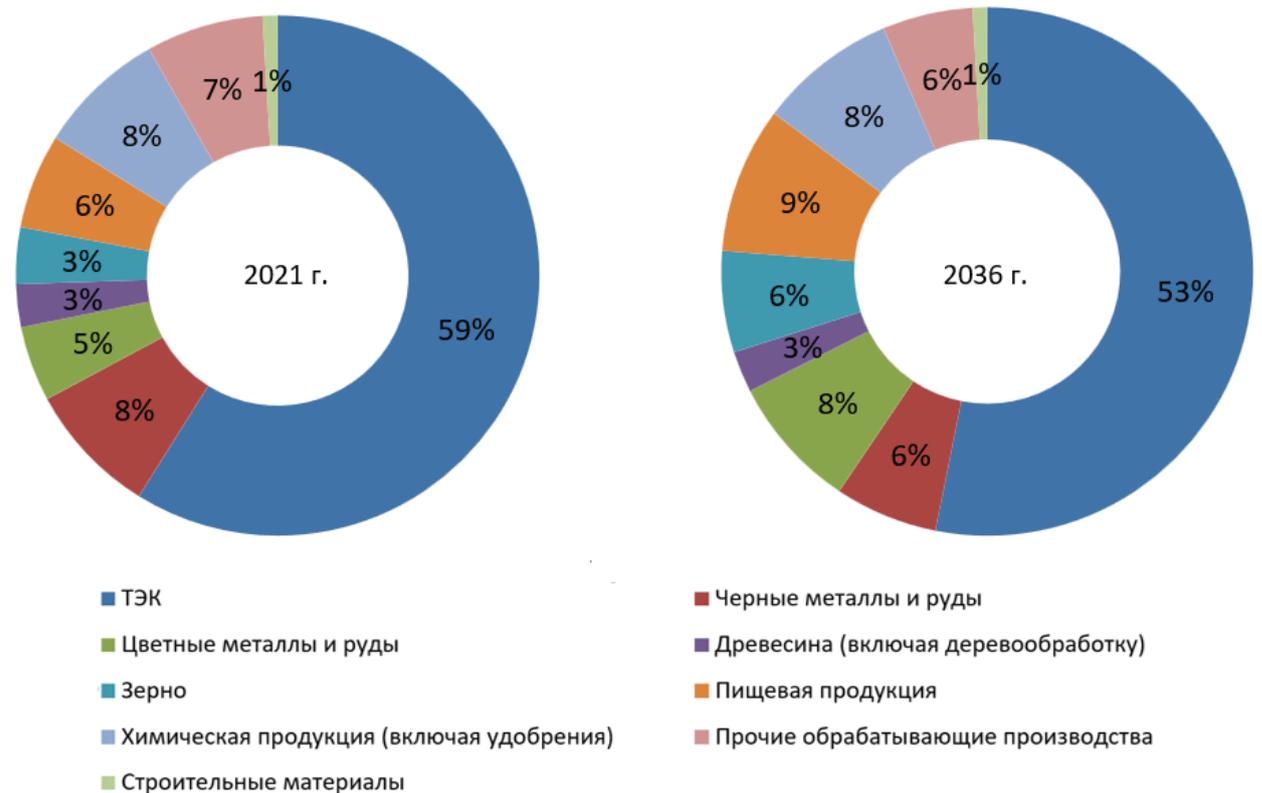

Рис. 6. Структура российского экспорта в оптимистическом сценарии по укрупнённым товарным группам в 2021 и 2036 гг. Источник: расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

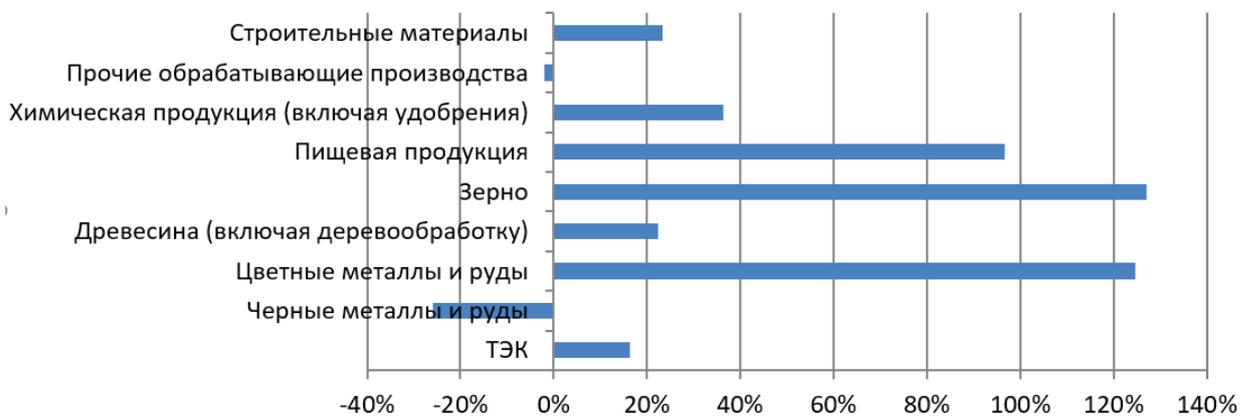

Рис. 7. Стоимостная динамика экспорта в оптимистическом сценарии по ключевым отраслям в 2021–2036 гг. Источник: расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

Сценарий экспортной диверсификации

Ранее сценарий экспортной диверсификации мы не включали в число наиболее вероятных и по этой причине не рассматривали. Но тенденции российской и мировой экономики последних полутора лет, на наш взгляд, повышают возможность его реализации, хотя и не делают его более вероятным, чем два других наших сценария. Учитывая его сравнительную новизну, мы даём его более развернутое описание, чем двух предыдущих сценариев.

Ключевыми внешними условиями для сценария экспортной диверсификации является глубокий декаплинг на фоне обострения межблокового военно-политического противостояния, а также форсированный глобальный энергопереход. Для Китая форсированный энергопереход может стать частью стратегии адаптации к условиям конфликта с целью минимизации зависимости от морских поставок энергоресурсов, в том числе из Австралии и с Ближнего Востока. В данном сценарии мы предполагаем, что энергопереход ускорится и во внеблоковых развивающихся странах. Всё это лишит российский энергетический экспорт тех возможностей и преимуществ, которые открываются в случае глубокого декаплинга с отложенным глобальным энергопереходом.

В данном сценарии существенно сократятся как физические объёмы экспорта углеводородов, так и экспортные цены. При этом сохранятся возможности роста физических объёмов экспорта и экспортных цен других сырьевых товаров и продукции их первичной переработки (железной руды, цветных металлов, удобрений, зерна и бобовых). Но учитывая первостепенную роль экспорта углеводородов, всё это не сможет полностью компенсировать возникающие вследствие энергоперехода потери экспортной выручки.

Ещё одним ключевым внешним условием реализации этого сценария является взрывной рост экспортных рынков готовой и промежуточной продукции внеблоковых развивающихся стран, где, как было показано в первой части статьи, в целом открываются благоприятные условия для входа российских несырьевых экспортёров. В инерционном и оптимистическом экспортных сценариях эти возможности будут упущены прежде всего из-за более высокого курса рубля. Но сценарий экспортной диверсификации, наоборот, позволяет в полной мере ими воспользоваться, поскольку в нём, в отличие от двух предыдущих сценариев, начало форсированного энергоперехода совпадает по времени с периодом бурного роста экспортных рынков внеблоковых развивающихся стран.

Для продвижения российской продукции обрабатывающей промышленности на эти рынки большое значение будет иметь не столько передовой технологический уровень, сколько конкурентоспособная цена, обеспечивающая привлекательное соотношение цена-качество. При возможности поддерживать оптимальные цены, что достигается в сценарии экспортной диверсификации благодаря глубокой девальвации рубля, экспортные рынки развивающихся стран, учитывая их гигантские и растущие масштабы, будут в состоянии поглотить практически неограниченные объёмы продукции, которую Россия сможет направить на экспорт.

В связи с этим ключевым внутренним условием реализации сценария является существенное снижение реального эффективного курса рубля, которое по своим масштабам может превзойти многие предыдущие эпизоды его падения. Глубокая девальвация рубля произойдет неизбежно, поскольку без неё в условиях падения энергосырьевого экспорта не будет возможности поддерживать устойчивый платёжный баланс. Компенсировать дефицит по счёту текущих операций значительным притоком прямых иностранных инвестиций, как это, например, удавалось Турции, у России в условиях глубокого декаплинга возможности не будет. Также замораживание значительной части валютных резервов не позволит сколько-нибудь длительное время компенсировать дефицит торгового баланса с помощью валютных интервенций.

Более или менее корректно оценить в данном сценарии потенциальный масштаб снижения реального эффективного курса рубля, опираясь на данные предыдущих эпизодов резкого падения энергосырьевого экспорта, не представляется возможным. В прошлых аналогичных эпизодах большинство финансовых санкций против России ещё не были введены, и денежные власти имели больше возможностей и инструментов для вмешательства на валютном рынке. Лишь с очень большой степенью условности можно допустить, что, с учетом заложенной в нашем сценарии величины падения выручки от экспорта ТЭК, потенциальная коррекция реального эффективного курса рубля может оказаться в пределах 25–40%.

Глубокая девальвация рубля приведёт к резкому снижению импорта и ускорит рост внутренних цен на импортные товары и их российские аналоги. Это поможет восстановить торговый баланс и даже создать определённый профицит, необходимый для финансирования чистого экспорта капитала, но также будет иметь ощутимые последствия для кредитно-денежной политики и структуры российской экономики.

Падение реального эффективного курса рубля повысит ценовую конкурентоспособность продукции российской обрабатывающей промышленности и торгуемых услуг на внешних рынках, где она будет востребована прежде всего внеблоковыми импортёрами. Такие последствия девальвации обусловлены тем, что Россия — сравнительно большая экономика, которая обладает достаточной производственной глубиной, обеспечивающей для неё так называемую «оптимальную валютную зону». В пределах оптимальной валютной зоны рост импортных цен весьма умеренно переносится на рост экспортных цен. Поэтому девальвация валюты позволяет повысить ценовую конкурентоспособность экспорта, несмотря на удорожание импорта.

Согласно таблицам «затраты — выпуск» Росстата, в среднем отечественная добавленная стоимость в совокупном экспорте для всех отраслей составила в 2015 г. 66% [Богачева, Поршаков, Турдыева, 2020]. Наибольшие ценовые преимущества от девальвации рубля получают те виды деятельности, которые ещё меньше, чем в среднем, зависят от импорта или смогут заменить его на отечественные поставки.

В силу ограниченных размеров российского внутреннего рынка большие фиксированные издержки на разработку импортозамещающей продукции, инвестиции в развитие компетенций и в основные фонды будут распределяться на сравнительно небольшие по мировым меркам объёмы выпуска. Это в отсутствие девальвации рубля, как правило, приводит к завышению себестоимости и цен на импортозамещающую продукцию по сравнению с зарубежными аналогами. При этом такая продукция по своему качеству и эксплуатационным характеристикам из-за первоначального дефицита компетенций, ограниченного доступа к наилучшим технологиям, оборудованию и материалам чаще всего будет уступать лучшим импортным образцам. Компенсировать недостаток эффектов масштаба на внутреннем рынке могло бы расширение сбыта на внешние рынки, и такая возможность открывается в сценарии экспортной диверсификации.

В сценарии экспортной диверсификации благодаря низкому курсу рубля многие виды импортной продукции как производственного, так и потребительского назначения, оказываются дороже, чем отечественные аналоги. Поскольку благодаря девальвации отечественная продукция обрабатывающей промышленности становится более конкурентоспособной по соотношению цена-качество и на внешних рынках, открываются возможности для наращивания её экспорта. При этом рост экспорта импортозамещающей продукции запускает положительную обратную зависимость, способствуя снижению удельных издержек, так как фиксированные издержки распределяются на все бóльшие объёмы выпуска.

Таким образом, в сценарии экспортной диверсификации активизируется цикл положительной обратной связи, способствующий снижению удельных издержек,

эффективному импортозамещению и опережающему росту экспорта обрабатывающей промышленности. Со временем этот цикл обратной связи начнёт затухать, поскольку рост экспортной выручки рано или поздно приведёт к росту реального эффективного курса рубля. Но более высокий обменный курс установится уже после того, как доля несырьевого экспорта заметно превысит исходный уровень, российские несырьевые экспортеры закрепятся на рынках глобального Юга, а удельные фиксированные издержки снизятся благодаря значительному увеличению объёмов выпуска обрабатывающей промышленности.

Поскольку такой сценарий далеко не уникален для мировой экономической истории, мы откалибровали целевую долю российского экспорта обрабатывающей промышленности в сценарии экспортной диверсификации на примере долгосрочных изменений доли экспорта продукции обрабатывающей промышленности четырёх стран — Австралии, Аргентины, Бразилии и Канады, опираясь на материалы доклада Всемирного банка [Gill, Izvorski, van Eeghen, De Rosa, 2014]. Все эти страны в 1963 г. имели крайне низкую долю несырьевого экспорта. Они специализировались, как и Россия сейчас, преимущественно на экспорте сырья и продукции его первичной переработки. Но в последующие 37 лет прирост доли обрабатывающей промышленности в экспорте этих стран составил от 25 до 55 п. п. (рис. 8). Таким образом, все они смогли кардинально увеличить долю обрабатывающей промышленности в экспорте.

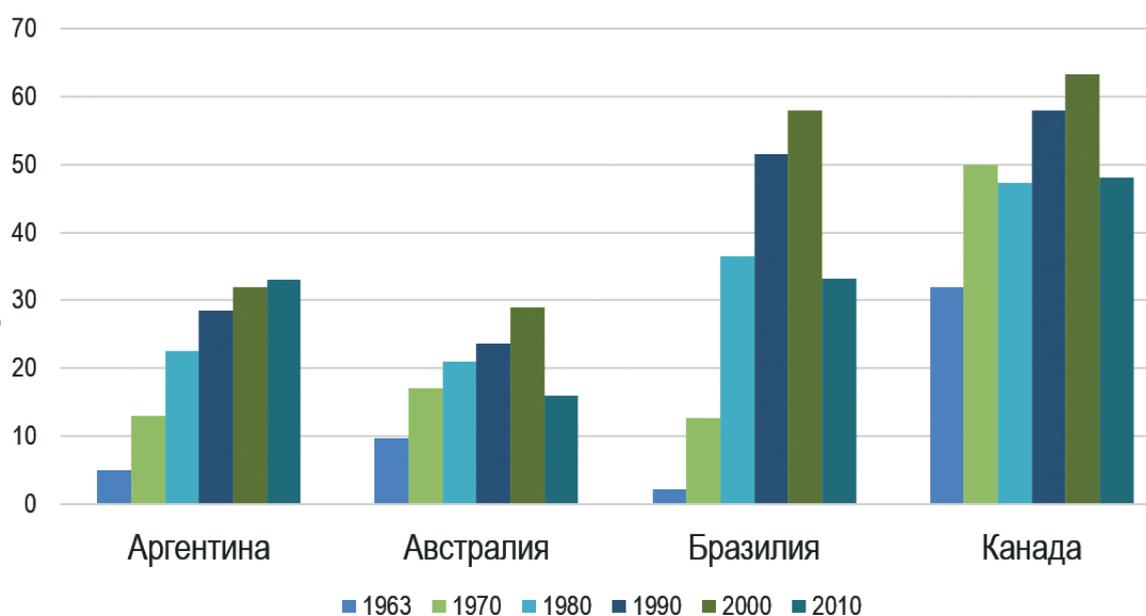

Рис. 8. Доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте, %, 1963–2010 гг.

Источник: рассчитано по Gill I. S., Izvorski I., van Eeghen W., De Rosa D. *Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia*. — The World Bank: 2014.

Обращает внимание на себя то, что устойчивый рост доли обрабатывающей промышленности в экспорте этих четырёх стран продолжался в течение длительного периода, несмотря на существенные вариации условий торговли, которые наблюдались в эти десятилетия. Рост доли обрабатывающей промышленности в экспорте повернул вспять или приостановился только в начале 2000-х гг., когда на арену мировой торговли промышленной продукцией в качестве ведущего глобального поставщика вышел Китай. Это, с одной стороны, намного ухудшило возможности наращивания экспорта обрабатывающей промышленности для остальных стран, а с другой — привело к опережающему росту экспорта сырьевых товаров и продовольствия из рассматриваемых стран, чему способствовал стремительный рост спроса растущей китайской экономики на эти товары.

Для получения целевой достижимой доли российского экспорта обрабатывающей промышленности в 2036 г. мы рассчитали среднегодовые приросты доли несырьевого экспорта в среднем по этим четырём странам (в процентных пунктах доли в экспорте) и умножили на число лет в нашем прогнозном периоде, который оказывается в три раза короче, чем период роста несырьевого экспорта в странах бенчмарка. Эти несложные оценки дали целевой ориентир для прироста доли экспорта российской обрабатывающей промышленности к 2036 г. примерно на 12 п.п. В этот прирост не входит часть продовольственных товаров, относящихся к продукции пищевой промышленности. Поэтому прирост доли пищевой промышленности в прогнозной структуре российского экспорта, который потенциально может быть очень значительным, мы оценили сверх полученного бенчмарка в 12 п.п. Кроме того, за пределами прогнозного периода доля экспорта российской обрабатывающей промышленности тоже имеет большой потенциал для роста — ещё примерно на столько же, как и в период до 2036 г.

Полученная с учётом этих оценок целевая структура экспорта в сценарии экспортной диверсификации выглядит следующим образом (рис. 9). Доля продукции ТЭК к 2036 г. сокращается примерно в 3 раза. Но более чем в 3 раза возрастает доля цветных металлов, в 2,5 раза — доля продукции АПК, включая готовую продукцию и зерно, почти в 2 раза — доля химической продукции, включая удобрения. Несмотря на компенсирующий рост экспортной выручки по этим и другим товарным группам, суммарный стоимостной объём экспорта в 2036 г. в постоянных долларах (рис. 10) может оказаться примерно на 15–20% ниже, чем в 2021 г. (без учёта возможного роста экспорта по скрытому разделу). Однако в процентах к ВВП размеры экспорта если и снизятся, то незначительно вследствие снижения реального эффективного курса рубля, что снижает при прочих равных условиях и долларовой объём ВВП.

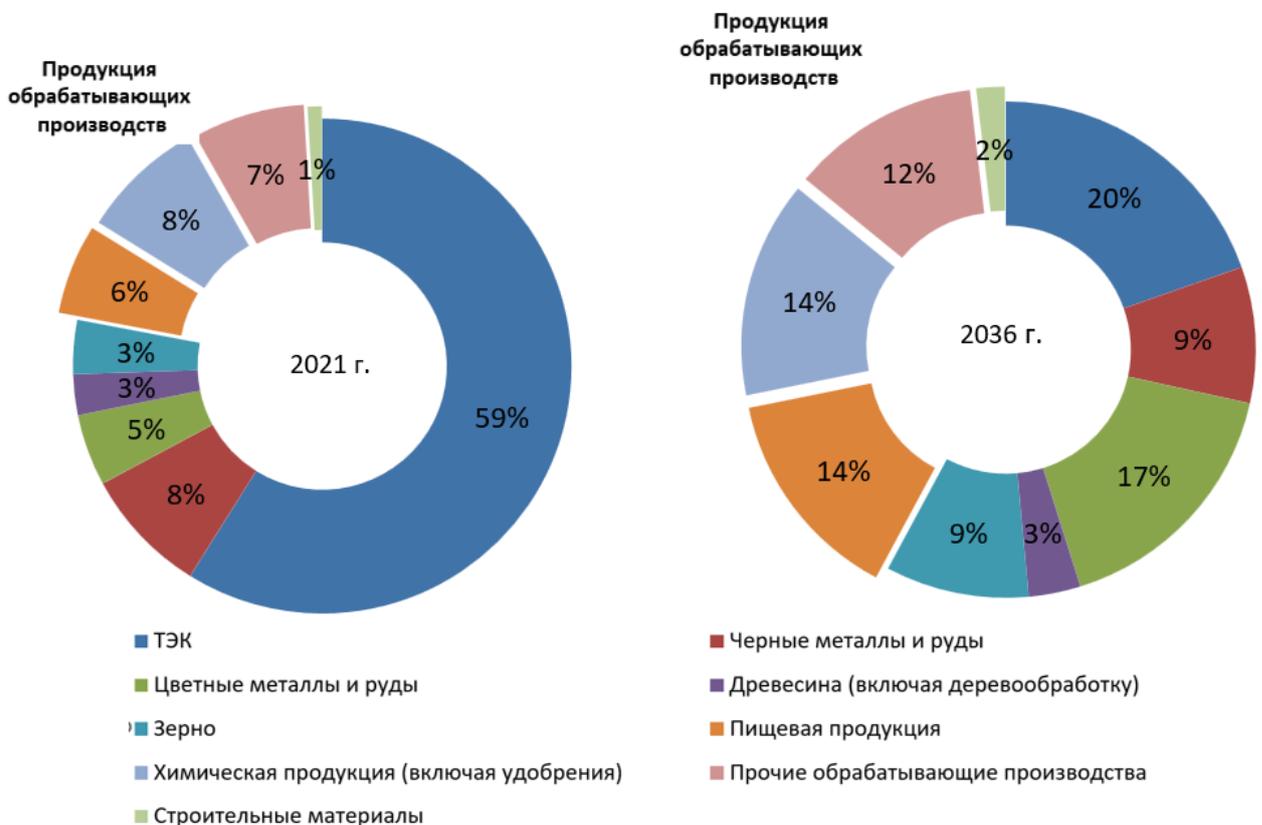

Рис. 9. Структура российского экспорта в сценарии экспортной диверсификации по укрупнённым товарным группам в 2021 и 2036 г.

Источник: расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

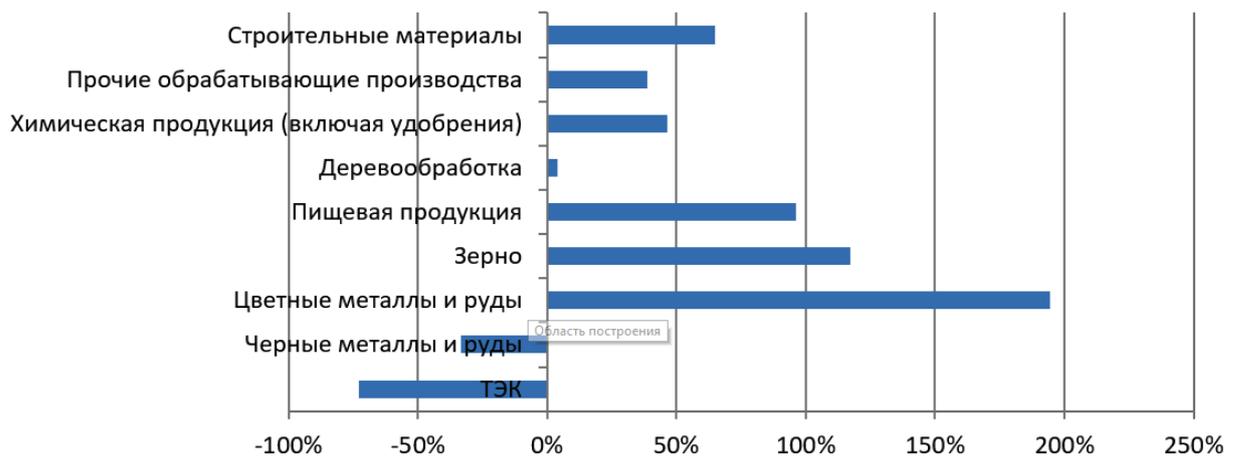

Рис. 10. Стоимостная динамика экспорта в сценарии экспортной диверсификации по укрупнённым товарным группам в 2021–2036 гг.

Источник: расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

В целом доля обрабатывающей продукции в экспорте, включая пищевую промышленность, вырастет к 2036 г. почти в 2 раза — с 22 до 42%. Экспортироваться будет, по нашим оценкам, немногим менее 20% всей продукции обрабатывающей промышленности. С учётом же возможных будущих размеров скрытого раздела экспорта, в котором, по-видимому, будет преобладать продукция обрабатывающих производств, можно ожидать, что к 2036 г. на экспорт пойдёт до четверти продукции обрабатывающей промышленности с перспективой дальнейшего роста этой доли. Тем самым, обрабатывающая промышленность начнёт превращаться в сектор экспортной специализации. В свою очередь, это обеспечит дополнительный рост ВВП — как непосредственно благодаря росту чистого экспорта, так и опосредованно, за счёт снижения удельных издержек на единицу выпуска благодаря эффектам масштаба от расширения рынков сбыта.

Несмотря на эти в целом позитивные тенденции, среднегодовые темпы роста ВВП в сценарии экспортной диверсификации не будут высокими из-за опережающего роста издержек в экономике и первоначального шокового спада, вызванного резким снижением выручки от экспорта энергоносителей (рис. 11). Эти негативные факторы лишь позднее, по мере наращивания выпуска и экспорта продукции обрабатывающей промышленности, начнут компенсироваться выручкой от несырьевого экспорта и снижением удельных издержек за счёт эффектов масштаба. Но, в любом случае, траектория роста ВВП в сцена-

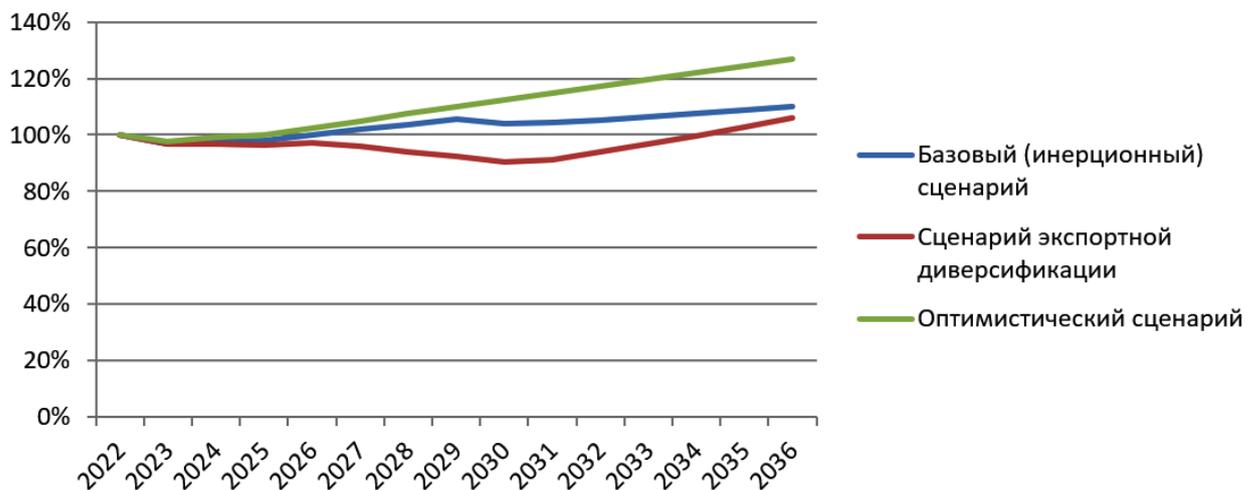

Рис. 11. Динамика ВВП в долгосрочных сценариях российского экспорта (2022 г. = 100%)

Источник: расчёты ХП НЭР и ЦЭИ.

рии экспортной диверсификации будет располагаться значительно выше, чем в гипотетическом, но гораздо менее вероятном сценарии, когда глубокое падение энергосырьевого экспорта не будет компенсировано ускоренным ростом экспорта обрабатывающей промышленности и торгуемых услуг.

Всё вышесказанное означает, что при определённых условиях, которые реализуются в нашем сценарии экспортной диверсификации, несырьевой экспорт для российской экономики сможет стать на некоторое время, как минимум, стабилизатором, а на каких-то этапах — и ключевым драйвером экономического роста. Но реализация сценария экспортной диверсификации будет иметь последствия не только для структуры экспорта, но и для экономики в целом. К числу наиболее значимых последствий относятся следующие:

- первоначально из-за девальвации произойдёт скачок цен на импортную продукцию, что ограничит потребление импорта даже там, где его трудно будет заменить российскими аналогами. Это приведёт к ухудшению структуры потребления за счёт вымывания незамещаемых отечественным производством импортных товаров и негативно отразится на выпуске продукции, критически зависимой от незамещаемого импорта промежуточных товаров;
- первоначальное импортозамещение из-за узости рынка и недостаточных эффектов масштаба на внутреннем рынке приведёт к опережающему росту издержек и цен, что станет ограничивать потребление такой продукции. В дальнейшем, по мере роста выпуска и продаж на внешних рынках, удельные издержки начнут снижаться благодаря росту эффектов масштаба, что будет способствовать росту потребления импортозамещающей продукции на внутреннем рынке;
- наряду с девальвацией рубля первоначально это внесёт вклад в ускорение инфляции, сдерживать которую ужесточением кредитно-денежной политики в течение довольно длительного времени будет нецелесообразно. Ужесточение кредитно-денежной политики с целью ограничения инфляции будет препятствовать инвестициям, необходимым для структурной адаптации экономики к новым реалиям. Это, в свою очередь, законсервировало бы неоптимальную структуру выпуска и экспорта, а также привело бы к тому, что многие возможности импортозамещения и роста экспорта в обрабатывающей промышленности оказались бы упущены. С ними будут упущены и возможности последующего снижения удельных издержек и роста ВВП за счёт наращивания выпуска, экспорта и связанных с этим эффектов масштаба;
- структурная адаптация экономики в подобных условиях потребует повышенных удельных инвестиций на единицу выпуска и соответствующего перераспределения экономических ресурсов от потребления к накоплению;
- роль финансовых рынков для обеспечения инвестиций в такой модели структурной адаптации может на какое-то время оказаться весьма ограниченной. Рост выпуска и экспорта в обрабатывающих отраслях и торгуемых услугах будет частично достигаться благодаря преференциальному доступу к кредитам, бюджетным субсидиям и госзакупкам. Иными словами, в период активного импортозамещения и роста экспорта многие сегменты обрабатывающей промышленности и торгуемых услуг (в частности, производство программного обеспечения, внутренний и въездной туризм) смогут развиваться в условиях так называемых «мягких бюджетных ограничений»;
- напротив, многие другие виды деятельности, в том числе некоторые неторгуемые услуги, вынужденно столкнутся с более жёсткими бюджетными ограничениями и ограниченным доступом к кредитам и бюджетным субсидиям, что будет сдерживать их рост;

- структура потребительского спроса тоже изменится. Из-за опережающего роста цен на импортные и импортозамещающие товары, а также на импортные торговые услуги (прежде всего, выездной туризм), их потребление сократится;
- в структуре спроса может вырасти потребление товаров и услуг с низкой импортной составляющей: жильё и товары для дома, внутренний туризм, транспортные, медицинские и развлекательные услуги;
- важную роль в поддержании общего уровня благосостояния в этот период может играть сохранение облегчённого доступа к ипотечному кредитованию. Рост обеспеченности жильём, которая в России всё ещё остаётся низкой для достигнутого общего уровня потребления, позволит частично компенсировать вынужденное ограничение потребления одежды и предметов длительного пользования, где велика доля импорта, но уровень потребления которых намного ближе к насыщению, чем потребление жилья.

Опережающий рост выпуска обрабатывающей промышленности столкнётся с ограничениями на рынке труда. Уровень безработицы в России уже опустился до 3%, что на практике равнозначно острой нехватке рабочей силы. Большинство отраслей обрабатывающей промышленности испытывают более серьёзный кадровый голод, чем экономика в целом.

Одно из решений, которое уже сейчас активно используется в проектах критического импортозамещения, состоит в опережающем повышении зарплат на таких предприятиях в расчёте на их более мягкие бюджетные ограничения. Такие меры облегчают переток кадров из других производств и отраслей, тем самым перераспределяя проблемы нехватки рабочей силы на другие сферы деятельности. Это также ведёт к дополнительному росту издержек на создаваемых производствах. Но такой подход применим, скорее, в инерционном и оптимистическом сценариях российского экспорта, где развитие обрабатывающих производств будет происходить не широким фронтом, а довольно выборочно.

До тех пор, пока новых производств создается сравнительно немного, негативные последствия такого подхода остаются умеренными. Но при массовом расширении обрабатывающих производств, как это ожидается в сценарии экспортной диверсификации, другие виды деятельности, конкурирующие за рабочую силу, вынуждены будут включиться в «гонку зарплат». Перегрев на широком рынке труда обострится ещё сильнее и подстегнёт инфляцию издержек в масштабах всей экономики. Поскольку сценарий экспортной диверсификации и без того перегружен проинфляционными факторами, данный подход для него является неперспективным.

Более реалистичное решение предполагает переключение внимания на проблему хронически низкой производительности труда в российской обрабатывающей промышленности. Отставание производительности труда в большинстве отраслей российской обрабатывающей промышленности от уровня США колеблется в диапазоне от 4 до 20 раз [Зайцев, 2015]. Это указывает как на низкую капиталовооружённость, так и на низкую отдачу от капитала, а также на слабое использование современных организационных и цифровых решений, повышающих производительность труда. Например, плотность производственных роботов на 10 тыс. занятых в России примерно в 10 раз ниже среднего по группе развитых стран и некоторых стран со средним уровнем дохода, включая Китай, а от стран-лидеров по этому показателю Россия отстаёт в несколько десятков раз [Statista, 2023; РБК, 2021]. В российской обрабатывающей промышленности потенциал повышения производительности труда — это своего рода «низко висящий плод». При таком отставании от лидеров даже сравнительно недорогие и не самые передовые решения способны обеспечить скачок производительности труда.

Ещё одно условие реализации сценария экспортной диверсификации — развитие системы поддержки экспорта, которая пока в большей мере соответствует логике инер-

ционного и оптимистического сценариев перспектив российского экспорта. Она позволяет добиваться хороших результатов преимущественно для относительно узкого круга приоритетных экспортёров, пользующихся особым вниманием государственных структур. Потенциальные экспортёры, выходящие на рынки по собственной инициативе и не имеющие прямой административной поддержки сверху, сталкиваются с забюрократизированностью и медлительностью, а диапазон предоставляемых услуг остаётся узким и не отвечает реальным потребностям таких экспортёров. В частности, ограничен доступ вновь выходящих на внешние рынки компаний к экспортному факторингу, что создаёт риски потери выгодных контрактов.

Поскольку в сценарии экспортной диверсификации количество игроков, выходящих на экспортные рынки обрабатывающей продукции и торгуемых услуг, может многократно возрасти, принципы сопровождения экспортёров тоже должны будут измениться. Потребуется расширение форм и методов содействия экспорту в соответствии с реальными потребностями экспортёров, устранение имеющихся барьеров доступа к востребованным услугам и к финансовым инструментам поддержки экспорта. Необходимо будет максимально реализовать потенциал цифровизации экспортных услуг. Особенно будут нуждаться в эффективном экспортном сопровождении малые и средние предприятия, не имеющие возможности самостоятельно развивать весь комплекс экспортных компетенций и функций.

Учитывая фрагментацию рынков глобального Юга и большое разнообразие местных условий, система поддержки экспорта должна быть адаптирована к специфике локальных рынков. Это касается и мер поддержки, и экспертного сопровождения — и то и другое должно выстраиваться с глубоким пониманием особенностей локальных рынков. Такой подход предполагает, в частности, существенное расширение функций и укрепление потенциала торговых представительств России в странах глобального Юга.

Заключение

Основной вывод, который можно сделать из рассмотренных сценариев мировой экономики и российского экспорта, состоит в том, что процессы деглобализации не лишают динамизма мировую экономику и торговлю, но ведут к географическому перераспределению экономического роста, торговли и инвестиций, в том числе в пользу обширной группы внеблоковых развивающихся стран. Для России это открывает дополнительные возможности для адаптации и географической диверсификации экспорта. Независимо от глубины декаплинга наиболее перспективным, наряду с Китаем, направлением увеличения российского экспорта — как традиционного, так и несырьевого — являются внеблоковые страны глобального Юга.

С учётом быстрого роста внутреннего рынка внеблоковых развивающихся стран и их растущей потребности в импорте возникает эффект «голубого океана», когда для экспортёров открываются обширные, ранее никем не занятые рынки, на которых все поставщики товаров и услуг оказываются в более или менее равном положении для входа. Несырьевые экспортёры из России, которые до сих пор были слабо представлены на этих рынках, получают дополнительные преимущества, поскольку их возможности входа на открывающиеся рынки глобального Юга во многом уравниваются с прежними поставщиками. Выходить на гораздо более зрелый, насыщенный и менее динамичный рынок Китая российским экспортёрам из обрабатывающей промышленности будет несравненно сложнее. Особенно большое значение открывающиеся преимущества входа на рынки глобального Юга будут иметь для третьего из рассматриваемых нами долгосрочных сценариев российского экспорта — сценария экспортной диверсификации.

Учитывая сравнительно невысокий стартовый уровень технологического развития и ограниченную покупательную способность населения большинства внеблоковых развивающихся стран, основной спрос на их рынках будет возникать не в премиальном сегменте и не вблизи технологического фронта, а на продукцию среднего технологического уровня и среднего качества. Значительная часть несырьевой продукции, производимой в России, будет относиться именно к этому сегменту, что даёт России дополнительные преимущества. Конкуренция в этом сегменте будет идти преимущественно по соотношению цена-качество.

В рассматриваемом нами сценарии экспортной диверсификации поддержание Россией ценовой конкурентоспособности широкого спектра экспортируемой продукции обрабатывающей промышленности представляется достижимым благодаря снижению реального эффективного курса рубля. Однако в двух других рассмотренных экспортных сценариях (инерционном и оптимистическом), которые реализуются в условиях отложенного глобального энергоперехода, более быстрое наращивание экспорта продукции обрабатывающей промышленности, как, впрочем, и импортозамещение, будет сдерживаться относительно высоким реальным эффективным курсом рубля, характерным для стран — экспортёров сырья. Это будет ограничивать ценовую конкурентоспособность в большинстве сегментов обрабатывающей промышленности.

Между тем наиболее благоприятная конъюнктура для входа российских экспортёров продукции обрабатывающих производств и торгуемых услуг на рынки внеблоковых развивающихся стран ожидается в ближайшие полтора-два десятилетия. Если российские экспортёры в этот период не смогут воспользоваться ею, то наиболее подходящий момент для входа будет упущен. Вновь возникшие рыночные ниши окажутся занятыми экспортёрами из других стран, рост рынков замедлится, и последующий выход на эти рынки будет происходить в условиях более жёсткой конкуренции и дополнительных барьеров входа.

Отсутствие в инерционном и оптимистическом сценариях российского экспорта предпосылок для его несырьевой диверсификации в период до 2036 г. означает, что начало структурной перестройки экономики и экспорта в направлении обрабатывающих производств попросту откладывается за пределы рассматриваемого прогнозного горизонта. Однако глобальный энергопереход за пределами рассматриваемого сценарного горизонта, наоборот, может ускориться, что потребует ускоренной несырьевой диверсификации экспорта в период после 2036 г. Между тем благоприятное окно возможностей для выхода на рынки обрабатывающей промышленности глобального Юга, которое открывается в текущем десятилетии, через полтора-два десятилетия может уже закрыться.

По этой причине оптимистический и инерционный сценарии можно рассматривать как сценарии упущенных возможностей опережающей несырьевой диверсификации экспорта. Однако в пределах нашего сценарного горизонта влияние экспорта на экономический рост в этих двух сценариях в целом остаётся позитивным или нейтральным.

В отличие от двух других сценариев, сценарий экспортной диверсификации позволяет в полной мере воспользоваться открывающимся окном возможностей для наращивания экспорта обрабатывающей промышленности в страны глобального Юга, поскольку в нём, в отличие от двух предыдущих сценариев, начало форсированного энергоперехода совпадает с периодом бурного роста этих экспортных рынков.

Несмотря на эти в целом позитивные тенденции, среднегодовые темпы роста ВВП в сценарии экспортной диверсификации не будут высокими из-за первоначального опережающего роста издержек в экономике и шокового спада, вызванного резким снижением выручки от экспорта энергоносителей. Эти негативные факторы лишь позднее, по мере наращивания выпуска и экспорта продукции обрабатывающей промышленности, начнут компенсироваться выручкой от несырьевого экспорта и снижением удельных издержек за счёт эффектов масштаба. Но в любом случае траектория роста ВВП в сценарии экспортной

диверсификации будет располагаться значительно выше, чем в гипотетическом, но гораздо менее вероятном сценарии, когда глубокое падение энергосырьевого экспорта не будет компенсировано ускоренным ростом экспорта обрабатывающей промышленности и торговых услуг.

В результате ни один из рассмотренных трех вероятных сценариев не выглядит чересчур пессимистичным, несмотря на потенциальные риски торговых шоков. Даже в самом (потенциально) неблагоприятном из-за силы первоначального торгового шока сценарии экспортной диверсификации экономический рост возобновляется и ускоряется по мере структурной адаптации экономики и роста неэнергетического экспорта. Другие, потенциально менее благоприятные экспортные сценарии, чем три, изложенные в данной статье, представляются гораздо менее вероятными и поэтому не рассматривались.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Богачева И., Поршаков А., Турдыева Н. (2020). Секторальный реальный эффективный обменный курс и отраслевая конкурентоспособность в России [Bogacheva I, Porshakov A., Turdyeva N. (2020). Sectoral real effective exchange rate and sectoral competitiveness in Russia] // *Серия докладов об экономических исследованиях. Банк России.* №59.
- Волчкова Н. А., Кузнецова П. О., Турдыева Н. А. (2016). Экспортные возможности стран ЕАЭС [Volchkova N.A., Kuznetsova P.O., Turdyeva N.A. (2016). Export potential of EAEU countries] // *Вестник международных организаций.* Т. 11. № 4. С.127–148.
- Го Х. (2019). Прогнозирование динамики логистических факторов в развитии внешнеторгового товарооборота России и Китая [Go Kh. (2019). Forecasting of dynamics of logistical factors in development of trade between Russia and China] // *Логистика и управление цепями поставок: сб. научн. тр.* — СПб. С. 35–38.
- Зайцев А.А. (2015). Производительность труда в отраслях обрабатывающей промышленности России: динамика и межстрановые сопоставления [Zaitsev A.A.(2015). Labor productivity in the manufacturing sectors of Russia: dynamics and cross-country comparisons]// *Экономическая наука современной России.* №4. Т. 71. С. 123–138.
- Зайчикова Н.А., Федоренко Р.В. (2019). Моделирование экспорта региона Российской Федерации на основе эконометрического подхода [Zaichikova N.A., Fedorenko R.V. (2019). Modelling of exports of the region of Russian Federation based on econometric approach] // *Обзорные прикладной и промышленной математики.* №3. Т. 26. С. 262–263.
- РБК (2021). Автоматизация поневоле: как развивается рынок робототехники в России. 09.11.2021. [RBK. (2021). Willi-nilly automation: how the market of robotic equipment develops in Russia]. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/617fd2f59a79476a8f848479> (дата обращения: 20.09.2023).
- Ткалич Т.А. (2017). Модели анализа и прогнозирования экспорта республики Беларусь [Tkalic T.A. (2017). Models of analysis and forecasting of export of the Republic of Belarus] // *Экономика и государство.* № 4. С. 24–28.
- Ускова Т.В., Асанович В.Я., Дедков С.М., Селименков Р.Ю. (2010). Внешнеэкономическая деятельность регионов СЗФО и республики Беларусь: состояние и методологические аспекты моделирования [Uskova T.V., Asanovich V.Ya., Dedkov S.M., Selimenkov R.Yu. (2010). Foreign trade of the regions of North-Western Federal District and the Republic of Belarus: current state and methodology of modelling] // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* № 4. Т. 12. С. 118–130.
- Ferrantino M.J., Portugal-Perez A., Schmidt G. (2015). *Export Competitiveness and FDI Performance Across Russia's Regions.* — World Bank, June 15.
- Gill I.S., Izvorski I, Eeghen van W., Rosa de D. (2014). *Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia.* — The World Bank: 2014.
- Hausmann R., Hwang, Rodrik D. (2007). What You Export Matters // *Journal of Economic Growth.* No. 1. Vol. 12. Pp. 1–25.
- Hausmann R., Klinger B. (2006). Structural Transformation and Patterns of Comparative Advantage in the Product Space // *CID Working Paper.* No. 128.
- Hausmann R., Klinger B. (2007). The Structure of the Product Space and the Evolution of Comparative Advantage // *CID Working Paper.* No. 146.
- IMF (2023). *World Economic Outlook: A Rocky Recovery.* — IMF: April.
- LOWY Institute (2023). Military Expenditure Forecast 2030. URL: <https://power.lowyinstitute.org/data/future-resources/defence-resources-2030/military-expenditure-forecast-2030/> (access date: 20.09.2023)
- MGI (2023). *Reimagining economic growth in Africa: Turning diversity into opportunity.* — McKinsey Global Institute: June 2023.

- Reuters. (2023). *China's renewed appetite for Australian coal disrupts Asia flows*. 2023.08.10. <https://www.reuters.com/markets/commodities/chinas-renewed-appetite-australian-coal-disrupts-asia-flows-russell-2023-08-10/> (access date: 20.09.2023).
- Spartak A.N. (2012). EAEU Intra-Regional Trade // *The Economic Dimension of Eurasian Integration*. Palgrave Macmillan, 2021. Pp. 27–66.
- Statista. (2023). *The Countries With The Highest Density Of Robot Workers*. Jul 25. <https://www.statista.com/chart/13645/the-countries-with-the-highest-density-of-robot-workers/> (access date: 20.09.2023).
- Tarr D.G. (2016). The Eurasian economic union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and the Kyrgyz Republic: Can it succeed where its predecessor failed? // *Eastern European Economics*. Vol. 54. Is. 1. Pp. 1–22.
- Tortajada C., Zhang H. (2022). Policies and Politics: Effects on US-China Soybean Trade Georgetown // *Journal of International Affairs*. October. <https://gjia.georgetown.edu/2022/10/26/policies-and-politics-effects-on-us-china-soybean-trade/> (access date: 20.09.2023).

Дмитриев Михаил Эгонович

mikhaildm@mail.ru

Mikhail Dmitriev

doctor of economics, President of Business Partnership “New Economic Growth” (Moscow)

mikhaildm@mail.ru

LONG-TERM SCENARIOS OF RUSSIAN EXPORT

Abstract. The article is based on the report by the experts of the Joint-Stock Company «Center of Infrastructure Economy» and Business partnership «New Economic Growth». It considers the possible scenarios of Russian export until 2036 in view of anticipated redistribution of international trade flows. Three stylized scenarios described in the article reflect the emerging opportunities and constraints for Russia's export in the era of deglobalization. Alongside with the baseline and the business-as-usual scenarios, the paper considers the possible new scenario of radical structural adjustments of Russian export towards manufacturing goods.

Keywords: *decoupling, global energy transition, manufacturing exports, energy markets, real exchange rate*

JEL: F16, F21, F43, F51, F63.